

Городские и солдатские реалии в сборнике Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии»*

В настоящей статье предложены результаты исследования городских и солдатских реалий и лексики, используемой в сказках, записанных Д. К. Зелениным. Отраженные в устной речи новые интерпретации реалий на фонетическом и лексическом уровне повлияли и на поэтический уровень. Эта проблема связана и с проблемами идеалектности автора/исполнителя. Язык вятских сказочников, зафиксированный Д. К. Зелениным, показывает, что он отражает особенности диалектной фонетики, а также лексики. Особенно это отражается в номинациях городских и солдатских реалий и придаёт сказкам особую поэтическую окраску.

In this article the results of a study of urban realities and Soldiers and vocabulary used in the tales recorded D. K. Zeleninym. Reflected in the speech the new realities on the phonetic interpretation and lexical level influenced the poetic level. This problem is connected with problems idealektnosti author / artist. Language vyat storytellers, fixed D. K. Zelenin, shows that it is representative of the dialect phonetics and vocabulary. This is reflected particularly in the categories of urban and Soldiers' tales realities and gives a special poetic coloring.

Ключевые слова: сказка, городские и солдатские реалии, диалекты, идеалект, Д. К. Зеленин.

Keywords: fairy tale, urban and soldiers realities dialects idealekt, D. K. Zelenin.

В XX в. в большей степени проявляется в народном сознании такой аспект, как внедрение новых городских реалий в традиционный крестьянский быт и их диалектная интерпретация в текстах фольклора. Изучение территориального и функционального варьирования городской лексики разных уровней можно считать важной задачей современной диалектологии и фольклористики.

Отраженные в устной речи новые интерпретации на фонетическом и лексическом уровне повлияли и на поэтический уровень. Вятский сказочный материал, записанный Д. К. Зелениным в начале XX в., показывает, что этнодиалектный пласт языка сказочников представляет собой как частную этнодиалектную систему, так и общую, характеризующуюся схожими и различительными признаками. Каждая этнодиалектная микросистема (вятского сказочника) является полноценным отражением в народном сознании тех или иных тенденций и реалий, которые происходили и происходят на определенной территории. Такой взгляд на фольклорную лексику позволяет соединить изучение ее семантики, структуры, этнических и поэтических особенностей различными способами. Эта проблема связана и с проблемами идеалектности автора/исполнителя.

В сказочном творчестве идеалектность возникает вследствие различных условий: существующей сказочной традиции (временно-пространственные параметры), возможности заимствования от других исполнителей, творческого потенциала сказочника, но в большей мере – от общего этнодиалектного фона. Как отмечает С. П. Праведников, «вопрос о том, что именно – время или пространство – наложило отпечаток на языковую ткань фольклорного произведения, решить проще, поскольку можно ограничиться материалом, записанным в определенные сроки, и учесть не раз отмечавшуюся способность эпического слова к консервации. Для разграничения диалектного и идеалектного в фольклоре достаточным критерием являются количественные параметры: единичность использования языковой единицы выступает как показатель идеалектности» [1].

Как отмечала В. Е. Добровольская, «в волшебной сказке, по нашему убеждению, предметный мир состоит из собственно бытовых предметов (одежды, утвари, средств передвижения и т. д.), элементов, организующих пространство (жилище и другие постройки, элементы ландшафта), а также элементы природной стихии...» [2]. В вятских сказках довольно полно представлен крестьянский и городской предметный мир. Сопоставление использования городской (солдатской) лексики сказочников: А. И. Бледных, Г. А. Верхорубова, П. И. Власова, А. Ф. Зубарева,

Е. П. Пуртова – в какой-то мере позволит выявить «механизм» формирования идеалектных особенностей.

Как отмечает Д. К. Зеленин, «бедность Вятского края сказками проявилась и в том обстоятельстве, что пользующимися известностью в околотке сказочниками оказываются здесь часто солдаты; таковы: Бледных, Власов, Пуртов, Зубарев. Даже сказочники не-солдаты, бесспорно, позаимствовали многие свои сказки от солдат; недаром же беглый солдат – один из любимых героев в сказках лучшего моего сказочника, Верхорубова» [3].

Анализ имеющихся текстов сказок в сборнике Д. К. Зеленина позволил выделить лексику городских реалий: одежда и детали одежды, внутреннее убранство дома, солдатская служба, предметы солдатского быта.

Г. А. Верхорубов, от которого Д. К. Зеленин записал и поместил в сборнике 20 сказок, не служил в армии, а был плотником в Котельничском уезде, но, будучи на лесных делянках, на мельнице, встречал людей из Вятской, Вологодской и Костромской губерний. Д. К. Зеленин характеризовал Г. А. Верхорубова как сказочника, «человека умного и красноречивого», рассказывающего сказки языком «сравнительно очень чистым, близким к литературному», и это «плод природных дарований» (с. 1). Многие реалии в языке Г. А. Верхорубова связаны не только с тем, что они заимствованы у других, но вносились в текст так, как понимал и помнил сам сказочник.

Г. А. Верхорубов вводит в сказки множество реалий как из обыденной крестьянской жизни, так из военной службы. Сказка Г. А. Верхорубова «Про царскую дочь» [Солдат женится на царской дочери] отличается тем, что сказочная лексика отражает как местные, так и городские реалии. Например, в сказке Г. А. Верхорубов использует слово «полисадник»: «Кругом дому его был **полисадник** – чуть не весь был завешан человечьими головами: как день, так и нова голова на новой **полисадине**» (с. 12). Д. К. Зеленин в словаре обозначил: «**Полисадина** – тынина, стоячий кол в тыне. **Полисадник** – тын» (с. 452). Такая реалия для Вятской губернии в начале XX в. была уже не нова. Во многих поселениях: городах, селах и даже в деревнях – появлялись «палисадники». И всё же эта реалия была присуща быту небольших городов. Вятский сказочник соединяет «полисадник» с царским домом, потому что как реалия он связан с представлениями о красоте и необычности царского дома.

Еще одна деталь, которая говорит о том, что Г. А. Верхорубов как плотник своеобразно представляет устройство потайной двери подполье под кроватью царевны. Сказочник раскрывает механизм потайной двери так: царевна «нажала пружину, – дверь отворилась...» (с. 13).

Своеобразно сказочник представляет и времяпрепровождение солдата в гостинице: солдат лежит на своей койке, требует обед, вина и самовар. Это явно связано со стереотипом представления о поведении господ, о которых он, вероятно, выслушал, будучи на «лесных работах» или на мельнице, где собираются люди «с разных сторон». Стереотип восприятия помещиков выражается в том, что один из помещиков говорит, что имеет охоту «в триста медведей и триста собак» (с. 154). Еще в сказке «Солдат-богатырь» сказочник использует традиционный сказочно-мифологический сюжет об «отчитывании» заколдованного дворца и его жителей по книге. Солдат оказывается вместо избы в городе в «золотом дворце», на дворе стоит «седок – дежурный генерал: одежда его блестит вся золотом» (с. 38).

Г. А. Верхорубов – человек мастеровой, связан с плотницкими работами, поэтому он, рассказывая о передвижении царевны, отмечает, что «явилась корета без осей и без колесей, а так просто на воздухе», или «корета полетела, а солдат только и успел назади за крякальчи поймачча (какие-то крякала были сделаны)» (с. 16). Д. К. Зеленин дает в словаре объяснение слова: «Крякальчи (крякальцы), крякла – две боковые жердочки у саней, связанные назади санного кузова» (с. 445). Такая деталь в устройстве кареты, с одной стороны, как бы содействует продолжению сюжета сказки (солдат вовремя возвращается к царю), а с другой стороны, говорит о том, что сказочник знаком с устройством саней.

Сказочники П. И. Власов, А. И. Бледных, А. Ф. Зубарев, Е. П. Пуртов служили в армии, после жили в Вятской губернии. Многие запомнили сказки, которые также услышали в армии. Как отмечал Д. К. Зеленин, «и солдатские и многие не-солдатские сказки моего сборника необходимо признать занесенными в Вятку в очень недавнее время: сказки не успели еще утратить многих мелких бытовых черт, совершенно чуждых местному краю» (с. XV).

Описание городской одежды – это один из стереотипов в вятских сказках. Каждый сказочник в меру своей осведомленности вводит элементы одежды в текст. Например, Г. А. Верхорубов восхищается одеждой царя, царевны, вельмож. Это можно считать фольклорной традицией, однако сказочник не использует сказочной формулы, заморский царь приобретает и достает из шкафа для царевны «платьё и ботинки неопикуемой красоты» (с. 15). В сказке «Про юру» жена солдата сняла с полковника «паратную одежду и оставила в одном мундире», после надела на не-

го «серую шинель» солдата (с. 5). В его сказках одежда не детализируется, это указывает на то, что сказочник не знает фасонов, особенностей всего гардероба, поэтому не приводит деталей этих вещей.

Наоборот, А. И. Бледных в сказке «Оборотень» подчеркивает, что губернатор платочек прячет за «ошлаг» (обшлаг) (с. 153). Эта, казалось бы, небольшая деталь одежды показывает, что сказочник знаком с городской одеждой, особенно с деталями мундира чиновников. В сказке «Поп и бурлак» А. И. Бледных упоминает «форменные калоши» и «форменную шляпу» (с. 177). О сказочнике А. И. Бледных Д. К. Зеленин говорит как о «николаевском солдате», который служил 25 лет. Сказки он тоже выслушал и запомнил во время службы и во время ночевки на мельнице. Его «городские и солдатские реалии» имеют свои отличия, например в «в шестидесятом волоку маркидант живет» (с. 152). В сказке «Солдат и черти» сказочник приводит реалии: например, солдат после 25 лет службы получает «пашпорт», идет домой, так еще не было пароходов» (с. 157). В сказке «Солдат и купец» А. И. Бледных употребляет слова, обозначающие солдатские реалии: казенная манерка (манерка – это походная металлическая фляжка с завинчивающейся крышкой), ранец, амуниция, белые подштанники, брюки, полотенце, которое должен иметь каждый солдат. Интересная деталь солдатской одежды и ее ношения: перед походом шинель должна быть подогнута. Сказочник точно передает приказ ефлетура: «шинели штобы были подогнуты; стань на колени, два верхá штобы до земли не доставало!» (с. 163)

А. Ф. Зубарев, сказки которого Д. К. Зеленин приводит в сокращенном виде в примечаниях, употребляет слово «обáхта» (гауптвахта), смотр выкладок (то есть содержимого солдатских ранцев) (с. 527).

Сказочник Е. П. Пуртов характеризуется Д. К. Зелениным как шутник, весельчак и «как хороший сказочник». Но Д. К. Зеленин отмечает и то, что сказочник, выслушав сказки от жителя Самарской губернии солдата Егора Смирнова, использует «искусственно-вычурный язык». В сказке «Три царства: медное, серебряное и золотое» после победы над девятиглавым чудовищем солдата королева напоила-накормила и «пошла казать свои принадлежности» (с. 244). «Солдат ходит не нарадуется: как все полá и все усано дорогими материями; и доводит она до своего шкафа (галдиropa), открывает его и говорит: “Вот любезный мой супруг, у меня подвенечное висит платье и стоят башмаки с колошами”» (с. 244). Е. П. Пуртов уточняет, что шкаф называется «галдиrop». Платье и башмаки с колошами – это элементы городской одежды, для сказочника они неразделимы, поэтому он повторяет «эту формулу», когда король бросает клич шить королевской дочери «подвенечное платье и башмаки с колошами».

Городские реалии у сказочников-солдат непосредственно связаны со службой. Особое место в сказках солдат занимают термины армейских званий: ефлейтор, фельфебель, ротный, поручик, батальонный командир, унтер-офицер, капитан, маёр, полковник, енерал. В характеристике П. И. Власова Д. К. Зеленин подчеркивал, что сказочник-солдат неграмотный, но работает на железной дороге, ремонтирует телеграф. Часто рассказывает сказки одному мастеру. По манере рассказывания не отличается красноречием, рассказывает четко, «словно заученные». Д. К. Зеленин отмечал, что «сказки № 103 и 104 специально солдатские; они и рассказаны лучше прочих, с особым обилием бытовых подробностей» (с. 303). Сказка № 104 [Солдат женится на иностранной царевне] наполнена не только реалиями из крестьянского быта, но довольно подробно дает представление о солдатской службе и быте солдат. Так, солдат стоит на посту у «чехаузу» [4]. Сказочник вместе с иностранным употребляет диалектное произношение слов: «на стрицю ему енерал». Как можно увидеть, Д. К. Зеленин фиксирует много фонетических диалектизмов. «Их специфика, – пишет С. П. Праведников, – связана с фонетическими явлениями, распространенными на всей территории бытования того или иного говора. Так, для в северных регионах характерны цоканье, оканье, ёканье, и это находит отражение в сказках...» [5]

А. И. Никифоров в исследовании о стилях сказки писал, что «стиль в фольклоре, в частности в сказке, – явление языка, правда языка поэтического, то есть несущего специальные коммуникативные функции» [6].

Язык вятских сказочников, зафиксированный Д. К. Зелениным, показывает, что он отражает особенности диалектной фонетики, а также лексики. Особенно это отражается в номинациях городских и солдатских реалий и придает сказкам особую поэтическую окрашенность.

Примечания

1. Праведников С.П. Основы фольклорной диалектики. Курск: Курск. гос. ун-т, 2010. С. 44.
2. Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Гос. республ. центр русского фольклора, 2009. С. 21.

3. Великорусские сказки Вятской губернии. С приложением шести вотяцких сказок. Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915. С. XV. Далее ссылки на это издание приводятся с указанием страниц в круглых скобках.
4. Цейхгауз, или армерия (нем. Zeughaus – дом для оборудования) – военная кладовая для оружия или амуниции.
5. *Праведников С. П.* Указ. соч. С. 179.
6. *Никифоров А. И.* Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2008. С. 245.

Notes

1. Pravednikov S. P. Osnovy fol'klornoj dialektiki [Fundamentals of folk dialectics]. Kursk. Kursk State University. 2010. P. 44.
2. Dobrovolskaya E. V. Predmetnye realii russkoj volshebnoj skazki [Substantive realities of Russian fairy tales]. M. State republ. center of Russian folklore. 2009. P.21.
3. Velikorusskie skazki Vyatskoj gubernii. S prilozheniem shesti votyackih skazok. Sbornik File K. Zelenina – Great tales of Vyatka province. With the application of six votyak tales. Collection of D. K. Zelenin. PG., 1915. P. XV. Further references to this edition are given on the pages indicated in parentheses.
4. The Zeughaus, or thrift (it. Zeughaus – home for equipment) – military storage of weapons or ammunition.
5. Pravednikov S.P. Op. cit. P. 179.
6. Nikiforov A. I. Skazka i skazochnik [Tale and the storyteller]. M. OGI. 2008. P. 245.

УДК 821.161.1

Т. А. Золотова

**Пути сохранения названий и предметных символов
в обрядовых практиках (на материале обрядовой поэзии
Волго-Вятского региона)***

В настоящей статье предложены результаты исследования путей сохранения принципиально важных в период становления и развития обрядовых практик названий и предметных символов. Выводы сделаны на основе сопоставительного изучения русских и финно-угорских зимних календарно-обрядовых (песни-просьбы об угощении) текстов, хранящихся в архивах образовательных и научно-исследовательских учреждений Волго-Вятского региона.

The article displays some ways of maintaining important names and symbolic things in ritual practices in periods of their formation and development. The conclusions are made on the ground of comparative studies of Russian and Finno-Ugric winter calendar ritual texts (request-songs about food) that are kept in archives of educational and research institutions of the Volga-Vyatka Region.

Ключевые слова: Волго-Вятский регион, зимние календарные обряды, названия, предметные символы.

Keywords: the Volga-Vyatka Region, winter calendar rites tausen' songs, request songs, symbolic things.

В исследовательской литературе неоднократно отмечался тот факт, что «колядующие <...> оказывают предпочтение конкретной обрядовой пище» [1]. При этом на первое место в ряду предметов дарения обычно ставятся изделия из теста. Для среднерусской полосы в целом также характерно одаривание фигурным печеньем, изображавшим животных и птиц [2]. Аналогично и в Волго-Вятском регионе – за «овсеньканье» наделяли круглыми пресными лепешками и фигурками в виде птиц [3]. Такие лепешки назывались «калядашками» [4]; «кокурками», «клюжечками-кочерюжечками» [5]. Без уточнения формы изделия известны в данном регионе и «козульки», «коньки», «каракульки», «свинки», «коровки», «усеньки», «таусеньки» (в виде кренделей, булочек-витушек) [6].

В то же время в качестве обрядового угощения в регионе обязательно называют и святочных поросят, кишки (домашняя колбаса из свинины), свиные ножки [7]. Именно данные ритуальные изделия являются главными в процессе таусеневого обхода русских и мордвы [8].

© Золотова Т. А., 2016

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00137 «Инерция и новация в вятском этнофольклорном материале (проблема реалий и номинаций в народном сознании: семантический и поэтический уровни)».